

учителя — Г.А. Ладыженский и К.К. Костанди. Когда началась революция 1917 г., Б. Анисфельд отправился через Дальний Восток, Японию, Канаду в Соединенные Штаты.

В воспоминаниях Д. Бурлюк продолжает: «В салоне у Добычиной к нам также присоединился поэт-заумник и художник-футурист, друг Ларионова, Илья Зданевич, уехав в 1921 году на учебу в Париж, да остался там до конца своих дней. За кофе мы провели незаметно время до раннего утра. Бродский был утомлен и решил нас оставить — он всегда был слаб и болезненный. Он умер в 1939 году, когда его талант был отмечен наивысшим признанием. Он первый в России из художников был награжден орденом Ленина. Я тогда попрощался с ним, не зная, что больше никогда его не увижу. Было уже зрелое утро, когда я оказался в просторной квартире Бориса Анисфельда на Каменноостровской, недалеко от Петропавловской крепости. Я восторгался висевшими на стене работами Анисфельда — огромными декоративными цветами и работой "Три радости" Николая Константиновича Рериха, живописца, монументалиста, сценографа, педагога, писателя, ученого (...) Покинув Анисфельда, я присел на скамейку у заднего входа в Петропавловскую крепость, наблюдая за Суворовской церковью. Меня клонило ко сну. Я не спал 24 часа. Обрушившиеся на меня впечатления лишили меня возможности поспать. Я купил утреннюю газету и просмотрев ее, нашел на последней странице: "Прибывший вчера из-за границы, Ульянов (Ленин) прочтет свою лекцию во дворце Кшесинской, сегодня в 9:30 утра. Вход свободный. Через пять минут, я уже находился внутри роскошного особняка, тяжелые двери революция которых открыла для всех. Внутри был огромный зал с высокими, живыми, тропическими растениями около раскрашенных колонн. В середине роскошного зала находились длинные скамейки. На них лежало несколько винтовок со штыками и мешков с амунициями. Стекло в одном из окон было разбито, и 2 голубя свободно влетали и вылетали из помещения, где только что отрекшийся от престола царь обедал со своей фавориткой-танцовщицей. За длинным столом слева сидели 5—6 рабочих, говорящих вполголоса между собой. Я подошел к ним с вопросом о лекции Ульянова. "Мы товарищ тоже здесь по этому делу. Мы ждем", — сказали они. Я решил провести маленькое исследование. Я поднялся на второй этаж по большой лестнице, о которой Пушкин любил повторять его известное высказывание о лестнице во дворце Флоренции: "Замерзшая мраморная музыка". В середине зала с правой стороны просматривалась большая мраморная подставка. Крестьянка с квадратным задом, высоко замотанной юбкой и голыми круглыми ногами усердно мыла пол, пользуясь тазом, в котором почему-то находились два кирпича. Слева была маленькая прихожая. Я вошел в нее и оказался перед 2-метровым широколицым матросом с коричневым чубом, торчавшим из-под бескозырки, и

ружьем со штыком, которое он держал перед собой двумя руками. Товарищ, — обратился я, — я пришел сюда увидеть и услышать лекцию Ульянова, о чем была заметка в газете. Парень улыбнулся мне. Лекции не будет, мой дорогой друг... Доктор запретил Владимиру Ильичу говорить в течение 3-х дней. Они (имея в виду Ленина) произнесли свою речь вчера, стоя на броневике около Балтийского вокзала и потеряли голос. Они сейчас спят за этой дверью, и я, охрана, здесь, чтобы никто их не беспокоил. Таким образом, я упустил шанс познакомиться и увидеть и услышать Ленина. На следующий день я уехал из Ленинграда без какой-либо надежды вернуться в него. Теперь, через 39 лет, при свершившемся чуде мы скоро будем там»⁶.

Приближаясь к родине

27 апреля в 9.20 утра Маруся и Давид отправились в купе первого класса в вагоне поезда "Хельсинки — Москва" через Ленинград. Из дневника: «Мы смогли осилить стоимость только "плацкарта", но, войдя в вагон, мы узнали, что проводник уже получил специальное указание поместить нас в первый класс. Доллар в России обесценен. Обменный курс очень невыгоден. Требуется 60 — 100 долларов в день на скромное проживание. На такие расходы мы не рассчитывали, и если бы не приглашение быть почетными гостями Союза писателей России, взявшими все расходы по нашему пребыванию на себя, мы бы не потянули эту поездку.

Земля, которую мы проезжали, была покрыта толстым слоем снега. Мы почувствовали, что возвратились в прошлое на 40 лет назад. В вагоне оказался экскурсовод, ветеран второй мировой войны, и на его лице видны следы операционного художества русско-советской медицины. В Ленинград прибыли в 11.50, в темноте. Видимо, небо было затянуто тучами. В вагон вошел государственный чиновник и спросил: "Где американцы?" Он проштамповал паспорта и дал 2 бесплатных билета на поезд в Москву. На вокзале нас встретили с цветами представители ленинградского отделения Союза писателей во главе с Сергеем Спасским, знакомым Бурлюка еще со времен революции в России. Он был автором нескольких книг, в которых опубликовал мемуары о 1917 — 18 годах. В них он упомянул несколько раз имя Бурлюка, связывая с некоторыми эпизодами жизни во время турбулентного исторического периода. В сборнике ленинградских поэтов "Костер" на странице 89 Сергей Спасский написал шуточное изображение Бурлюка:

Как часто, деловит и плотен,
Персидский выпучив жилет,
Взметнув лорнет к больному глазу,
Оглаживая свой сюртук,
Цинизмом сдобренную фразу
Здесь расплетал Давид Бурлюк...

Мы вошли в здание вокзала, а затем в огромный ресторан, где уже сидели за столом 14 художников и 17 писателей. В дверях стоял швейцар, пожилой мужчина с толстыми, серыми бакенбардами, одетый в царскую униформу. Мы обменялись словами приветствия, но, к сожалению, я потерял книжку, в которой все присутствующие оставили свои подписи. Присутствовал председатель Союза советских художников (Ленинград, улица Герцена, 38) Иосиф Алексеевич Серебряный. Позже я писал ему, и мы отправляли наши публикации по адресу Союза, но мы никогда ответа не получали. Все люди, которые нас встретили и с кем говорили в эту 50-минутную "летучку", были очень приветливы и уважительны. Выражали радость и были возбуждены, увидев нас. Все были возраста до 50 лет, кроме одного писателя и Спасского (позже мы узнали, что он вскоре, осенью 1956 года, скончался). Мы возвратились в свой вагон, уставшие и ошеломленные и тут же заснули».

В первый день пребывания на российской земле Бурлюки оказались в районе Бологого. Наблюдая за удаляющимися холмами, Давид Бурлюк вспоминал знакомые со дней его юности места. Его запись: "Около Боровичей, в Кончанском, на озере Шаргорода я начал рисовать и писать с натуры в 1898 году с Александрой Ивановной Ротчиной-Колосовой. Она была ученицей Шишкина (1832 – 1898) и гувернанткой моей сестры Людмилы, а также подружкой моей мамы. Вскоре мы прибыли в Тверь (Калинин), где в 1888 – 99 г. я учился в гимназии и жил в пансионе мадам Пикок, урожденной Бакуниной".

Несколько ранее, под Выборгом, они видели много разрушений – результатов последней войны между маленькой Финляндией и Россией. Теперь, в Твери, они ужаснулись следам вторжения на русскую землю гитлеровской орды.

Гостеприимная Москва

Поезд в Москву прибыл 28 апреля в 2 часа дня, как они написали в воспоминаниях, на Николаевский вокзал (теперь – Ленинградский). Когда Бурлюки выбрались из вагона, их встречали и обнимали: Лиля Юрьевна Брик, Василий Абгарович Катанян, Михаил Яковлевич Аплетин, Семен Григорьевич Кирсанов, Николай Николаевич Асеев, также Женя Спасский, брат Сергея, и другие незнакомые Бурлюкам люди. Все они являлись членами специально созданной комиссии Союза писателей по приему Бурлюков в России. Маруся помнила Колю Асеева и Женю Спасского молодыми; сейчас они выглядели пожилыми людьми, с морщинами, бледные и рыхлые. Маруся увидела Лилю Брик в первый раз. Ей понравились ее очаровательные черные глаза и темно-каштановые волосы с отблеском огня и красной бронзы. Теперь в течение 60 дней Бурлюки могли не думать о расходах на жилье, не надо было пересчитывать багаж и деньги. Все для них организовано, везде заплачено. В 3-х американских

Гостиница "Москва", в которой Маруся и Давид Бурлюк останавливались в 1956 и 1965 годах

"паккардах" их отвезли в отель "Москва" и разместили в номере "люкс" со спальней, гостиной, с прихожей и огромной ванной. Вечером В.А. Катанян отвез их на такси к себе домой в Спасопесковский переулок, где их ждала его супруга, Лиля Юрьевна Брик со старинным русско-помещичьим ужином с лучшими русскими винами. В этот же вечер они увидели спектакль "Клоп" в театре "Сатиры". Каждое посещение театра сопровождалось дружескими приятными поклонами многочисленным знакомым и большим количеством новых знакомых, желающих поговорить с ними и пожать им руки. Пьеса Маяковского произвела сильное впечатление. Давид Бурлюк и Маруся вновь соприкоснулись с творчеством В. Маяковского, но уже в новом качестве — в качестве театральных зрителей.

Позже в своих воспоминаниях о поездке в Россию Бурлюк напишет: «Возвратившись домой в Америку мы получили от директора музея В. Маяковского Агнии Семеновны Езерской по почте автограф Маяковского, где он написал на "Флейте-Позвоночнике" — "Великому Бурлюку". Эта поэма была издана Лилей и Осипом Брик в декабре 1915 года в Петрограде. Они также получили по почте сборник "Стальной Соловей" Н. Асеева и "Маяковский издевается", от московской и международной ассоциации футуристов. Эти книги были изданы Московской академией художеств⁷. В книге "Маяковский издевается" на третьей странице поэмы полный конспект пьесы, написанный Маяковским в январе 1929 года, за год до трагического самоубийства. Там сказано следующее: "Когда шторм

мают утренние часы до полудня. После пляж занимают женщины. Следующая достопримечательность — столовая, где стоят столы на 80 человек. Это здание построено уже в советское время. Окна в здании от пола до крыши и открываются, чтобы впустить мягкий морской воздух. Люди, которых Бурлюки видят в первый и, вероятно, последний раз в жизни, жмут им руки, улыбаются.

Окончился день. Бурлюки в машине направились в Гурзуф, через малозаселенные места в холмах и долинах старого Крыма. Фантастические очертания облаков на северо-западном вечернем небе Бурлюк сравнил с пейзажами Тернера.

Гурзуф

Одиннадцатое июня. Во время месячного пребывания в Ялте было дождливо и не по сезону холодно. Тучи покрывали вершины гор. Бурлюк старался запечатлеть увиденное изо всех сил. Часто из-за плохой погоды работал в помещении. Особенно это часто случалось в Гурзуфе. Но последние 3 дня были солнечными. Бурлюк сделал акварельный рисунок известной скалы Дива. Все эти теплые дни Бурлюк писал очень много, иногда склоны гор, иногда горный лес. Около Ай-Петри — виды известного ялтинского Воронцовского дворца, который превращен в музей. Он был резиденцией Черчилля во время знаменитого Ялтинского совещания в конце мировой войны. Они побывали на горе Медведь. Склоны горы опускаются в море на востоке от Ялты. Это место — обязательная достопримечательность для всех, кто посещает Крым.

Погоду прогнозировать невозможно, и было рискованно приступать к большому полотну. Случалось, что Давид и Маруся возвращались домой с нетронутым полотном, промокнув до нитки под беспощадным ливнем. Все же Бурлюк написал там около 15 больших полотен. Часть из них он закончил дома.

Николай Черкасов и другие

В Крыму Бурлюки познакомились более чем с 30 художниками и скульпторами, некоторые из них были местными. В гостинице "Южная" для новых знакомых несколько раз устраивали приемы. Прикомандированная к ним секретарь Надя Нечаева щедро оплачивала счета. Председательствовали на этих банкетах Николай Черкасов, Мешков, Бурлюк. Столы обычно были великолепно сервированы: икра, керченская селедка, водка, шампанское и крымские вина. В Крыму они встретили много интересных людей. Прежде всего, уже упомянутый великий актер Николай Черкасов. Он был депутатом Верховного Совета СССР, и Бурлюку объяснили, что это адекватно американскому конгрессмену. Черкасов находился в Ялте и в то же время снимался в фильме "Дон Кихот" по Сервантесу. Бурлюк вспо-

минает о нем, как о приятном человеке, настоящем джентльмене, который уделял им много внимания. Черкасов часто обедал с Бурлюками, а однажды сыграл 2 сцены катаньяновской пьесы "Маяковский и его современник". Читал диалог Санчо Пансы и монолог Осипа из бессмертного гоголевского "Ревизора".

Незабываемыми оказались встречи с директором Коровинского дома художников В.А. Евневичем, который обеспечивал их красками и холстами. Они встретились с директором художественной студии, где писались лозунги и картины, развешиваемые в санаториях, где отдыхали рабочие. Его звали Иван Меркулович Устинов, который тоже помогал и был очень внимателен. Устинов — приятный образ рабочего, партийца, бескорыстный и настоящий товарищ. Впоследствии он написал им письмо в Америку, начав послание такими словами "D.D.M.N (что значило Давид Давидович и Мария Никифоровна) Ваш ясный ум и доброта сердец...". В самые последние дни пребывания они завязали дружбу с талантливым русским художником, живущим в Ялте, Виктором Алексеевичем Фербером. Известный советский писатель Павленко, отдавая дань его таланту, предоставил ему для работы гараж, который художник перестроил в большую студию. Виктор Алексеевич Фербер писал пейзажи с Бурлюком на склонах горы Ай-Петри и был одним из немногих советских художников, который подарил Бурлюкам свою картину⁵. Они также получили масляный эскиз портрета Маруси Бурлюк, сделанный художником Мешковым. Говоря о подарках, нужно сказать, что, находясь еще в Москве в мае, Бурлюк несколько раз выбирался в пригород с Евгением Спасским, которого он знал по Уфимской губернии, где тот занимался искусством с Бурлюком еще летом 1918 года в деревне Буздяк. Евгений Спасский в этот раз подарил им несколько акварелей, характерно представляющих русские деревни. Короткий визит в дом-студию Николая Лукича Савицкого завершился тем, что Николай Лукич и Лидия Ивановна Савицкие, подарили Бурлюкам одну из его очаровательных майолик — скульптуру "Гитарист", которая сейчас находится в коллекции вдовы Давида Бурлюка-младшего в Лонг-Айленде. Николай Лукич Савицкий прославил еще себя, создав известную скульптуру горного орла, водруженного на одной из саблеобразных вершин крымских гор. Это могучая бронзовая птица-монумент, символ победы героической русской армии во Второй мировой войне. Его скульптура "На защите СССР" репродуцирована в "Color & Rhyme", № 41.

В пригороде Ялты, они посетили дом Антона Павловича Чехова, где его сестра Мария Павловна, прожив 92 года, умерла осенью того же 1956 года.

11 июня. Бурлюк все еще занят написанием портрета великого актера Н.П. Черкасова. Из дневника Бурлюка: "Он многолик, и это помогает ему воспроизводить много различных характеров. Он ростом такой, как Маяковский, и красив. Его действия обычны и ровны,